

Андрей Андреевич Вознесенский очень тихо говорит. Если честно — чтобы что-то услышать, надо почти прижаться к его щеке. Но мысль эта кажется кошмарной.

Не теряя нити разговора, ведет беспрерывные беседы по телефону — у поэта простая раскладушка Motorola. Крохотные пиксельные очки Вознесенский хранит в футляре, который одновременно является ручкой. На футляре написано Microvision — «Микровидение». Что называется, в точку. Стихи пишутся причудливой клинописью на бумаге «верже» в блокноте с фигурным обрезом. Некоторые из них были расшифрованы специально для читателей «Новой газеты».

— Как начинается ваш день?

— Все по-разному. Сегодняшний начался с того, что собрался в Ригу. Порой что-то пишется утром. А в первый день во Франкфурте мы вышли пройтись со Стасом Найманом. Промозглый город был негостеприимен. Мы изрядно замерзли. Ни одного кафе в округе. Навстречу нам из магазина выкатилась стайка молодежи. Одна из них оказалась моей. Она узнала меня — и ее вопрос послужил началом стихотворения. Я читал его во Франкфурте на своем вечере.

— Верно ли рассказывают, что на этом вечере Аксенов громко кричал: «Андрей, ты гений!»?

— Да. Аксенов очень любит стихи и сам их пишет.

Атмосфера во Франкфурте была творческой. Способствовал этому обаятельный Владимир Григорьев, ставший на глазах новым лидером нашей культуры. Энергичным ее организатором.

— Отчего вас в интернете больше, чем других поэтов?

— Я люблю интернет. Он раздвинул границы, уничтожил цензуру. Поэзия сегодня нарабатала

кого. Замечательная была вещь, но мат придется быстро. Думаю, что все закончится, как только ниша будет заполнена.

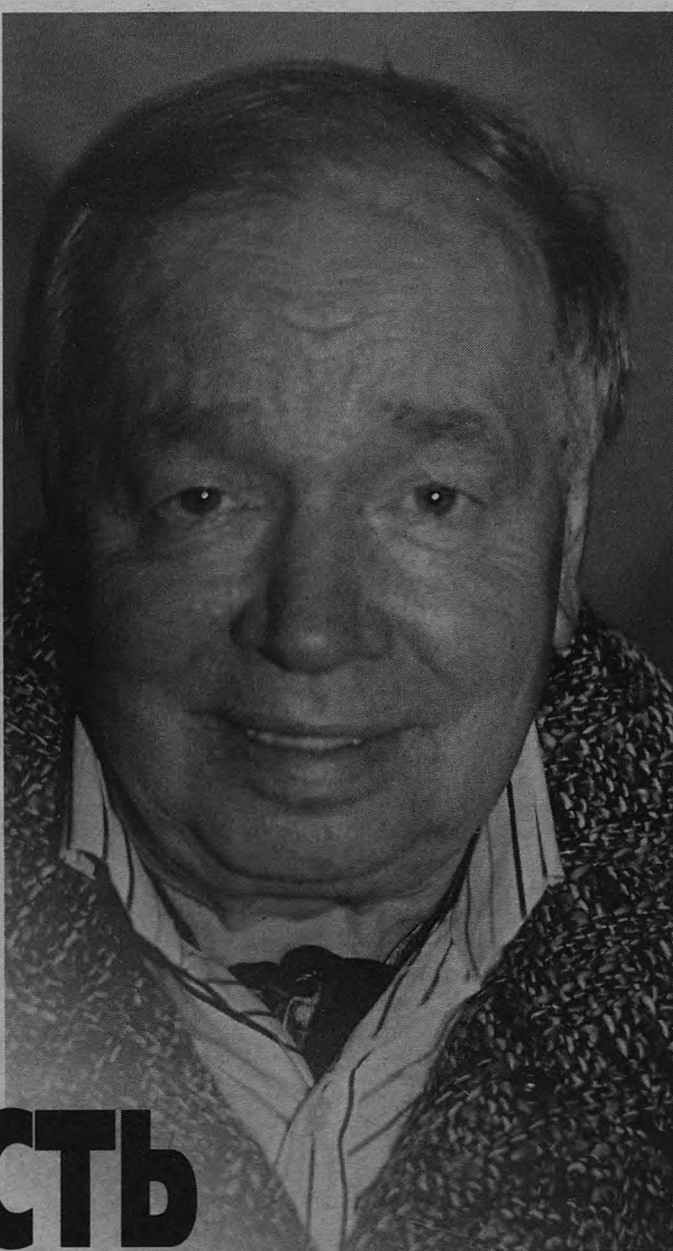
— Ваши стихи всегда ловили энергию дня. Какая она сегодня?

— Много агрессивной энергии выделяется у людей, но они несчастные, они не виноваты. Очень мало благостной энергии сейчас. У меня творческая энергия бывает по утрам — чувствую, что она сверху, «оттуда идет». Когда infernalная приходит, стараюсь с ней не общаться.

— Это правда, что вы затеяли строительство храма в 40 километрах от Москвы, возле Захарова — имения, где ребенком жил Пушкин?

— Это оказалось сложнее, чем писать стихи. Я сделал, по моему, симпатичный проект храма-спирали (Андрей Вознесенский в свое время окончил МАРХИ. — Е.В.). Я сделал проект — это главное. Стихи написал, положил в карман и пошел. Тут все не так: все сложнее...

Я думаю, что в XX веке в России было так много горя потому, что не было построено ни одного нового, современного храма.

ПОТРЕБНОСТЬ В КОЛОКОЛАХ СТАЛА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ

тысячи приемов, достигла звукового барьера и вот-вот его перепрыгнет. Я об этом во Франкфурте сейчас говорил: есть молодые поэты, они прекрасно пишут, но нет одного-двух-трех. Но вот я нашел в Харькове двух — Денис Ворошилов и Александр Кривенко. Кривенко два года назад написал стихи «Мне двадцать лет», до сих пор не может их напечатать. 30 ему будет, есть все шансы к этому времени с ними еще носиться. Хочу помочь ему опубликовать подборку и дать доброе напутствие. Может быть, он будет выдвинут в следующем году на Премию имени Пастернака.

Где воздух спорный,
как пенальти, —
Бежать не смеете нагишом!
Свой зоркий взгляд
запеленайте.
Чтоб не разил он, что
нашел.

Вот так пишет Кривенко. У них — хороший возраст. И ситуация в постсоветских республиках им помогает. Там есть сейчас тот пресс на слово, на русское слово, какой был у поэтов в эпоху тоталитаризма. Русская поэзия оттого там сильна, что принижена, — на Украине засилье украинского языка. Пресс дает обратную реакцию.

— В театры ходите? Как относитесь к слову улицы, вновь принесенному на сцену?

— Это интересный путь, но долго на нем не продержатся. Для меня история с уличным словом начинается с «Николая Николаевича» Юза Алешков-

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ:
«Строить храм оказалось
сложнее, чем писать стихи»

Только восстанавливали старые, продолжали поклоняться нарышкинскому барокко, например, и потому Бог нас не слышал.

— Вы по-прежнему уверены, что пишете не вы, что пишут вами?

— Конечно. Я просто знаю это. Всеми нами пишут, что бы мы ни делали. Не все это понимают, а мы — всего лишь инструмент.

— Скажите, вы тоже получаете за сборники поэзии, за собрание сочинений небольшие сотни долларов по издательскому договору?

— Да. Но я рад, что я ни разу не платил за книгу — сейчас многие издаются за свой счет. Я скромно живу, но много печатаюсь с колес, часто в газетах. Вот сейчас написал новую поэму «Возвращение к цветам», немножко декадентская вещь, в виде накладки бухгалтерского бланка: слева название цветка — справа определение: «Хризантема — «Рейган Империял», «Роза — Абракалабра», «Роза — Черная Баккара» и «Роза — Ранняя звезда».

— Вы говорили, что армия оставила в вас прекрасные воспоминания — сложилась гусарская, романтическая компания. Что вы думаете о нынешнем осеннем призыве, забирающем вузовских студентов?

— Это совершенно ужасно. Студенту ломают всю жизнь. Государство должно заботиться не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне.

— Что с оперой для Ленкома?

— Я написал свой текст, отдал его Рыбникову, теперь пусть они там с Захаровым колдуют. С радостным удивлением заметил, что часть текста Захаров написал от себя. Слушал очень сильные рыбниковские куски. Но как все будет, когда все будет — им решать. Свою работу я сделал. Боюсь, им по-прежнему доведется «Юнона» и «Авось», но куски новой оперы Рыбникова, повторюсь, чрезвычайно сильные.

— Почему вы не пишете сегодня песен?

— Стихи к песням начались ради спортивного азарта — хотелось, чтобы народ пришел, узнал, полюбил, стадион собрался. Более популярной песни, чем «Миллион алых роз», я уже не напишу — зачем тогда утомляться?

— Когда приходит усталость, как вы отдыхаете?

— Отдыхаю, когда удается в Переделкине побывать. Просто выходишь на тропку — и энергия листьев, пастернаковских кленов отдается тебе, и ты оживаешь сразу — утро ли, вечер. В

других местах так не получается, а в Переделкине — точно.

— Вы автор множества графических листов, акварелей, коллажей, инсталляций. Редкий человек одинаково свободен с картинкой и буквой, визуальным и вербальным.

— Сейчас много хорошей рекламы, я с удовольствием смотрю, много интересного промышленного дизайна. Клиповое мышление, присущее молодым, мне понятно и близко, и молодые схватывают мои видеомы не хуже стихов. Я чувствую свою причастность к выворотному, самоотрастному слову, торжествующему в журналистике и рекламе. Моя свобода оказалась заразительна.

— На сайте поклонников оперы «Авось» (www.avos111.narod.ru) есть распечатка телепередачи из дворца «Лужники» 70-х годов. Вы говорите там о том, российская муза всегда была общественна, не чуралась прямой публицистики и колокольной набатной ноты. Все так, ничего не изменилось для вас?

— Колокола были запрещены, а потому нужны в 70-х. Сегодня потребность в колоколах стала индивидуальной. В Колумбии ко мне подошла девочка и спросила: «Что для революции более полезно — ваши видеомы или звучащее слово?». Не для революции, конечно, но для человека, для сознания, я думаю, сегодня полезнее видеомы.

Сегодня нужна не проповедь, а исповедь. Обращение к конкретному человеку, а не к общей массе, как это делалось в герценовском «Колоколе».

● Екатерина ВАСЕНИНА

СТИХИ АНДРЕЯ ВОЗНЕСЕНСКОГО, ЧИТАННЫЕ НА ВЕЧЕРЕ ПОЭЗИИ НА ФРАНКФУРТСКОЙ КНИЖНОЙ ЯРМАРКЕ-2003

ФРАНКФУРТСКАЯ ЯРМАРКА

Зверей, шопенгауэрская сила!
Весь Франкфурт одет в загазованный батник.
И первая встречная в шопе спросила:
«Андрей Вознесенский, ну где же ваш бантик?».

И кто-то добавил из-под прилавка:
«Где ж ваша удавка?».

Хожу неугавленный, нерасстрелянный,
бульварными медурами востребованный,
За утренней трапезой, сбросивши мелкое,
постмодернист травит про Наймана
с Мейлахом.

Но через информационную давку
свисает цветавеская удавка.

Мне что-то мешает. Душа раскололась.
Повесился голос.
Красней, чем края сковородки, околыш...
Повесился голос.

Забывши, что совесть — издержки
профессии,
мой голос повесился.

Не зря кал Вероккио в краски подмешивал.
Но в доме веревки нельзя о повешенном.
Я шут, культдесантник, брожу по Европе.
И демонстрирую бантик на шопе.

2003

ВСТУПЛЕНИЕ К НОВОЙ ПОЭМЕ «ВОЗВРАТИТЕСЬ В ЦВЕТЫ»

Кто я? — Интеллигент
в эпоху беззаконий.
Открыл я элемент
по имени Цветоний.

В нем зверская тоска
по жизни, что иссякла,
в нем выжимки цветка,
но только не из всякого.

Волшебные цветы —
я Свету знал и Тоню,
но знаешь только Ты
про витамин Цветоний.

Спасемся мы не здесь,
где римская агония.
Нам полный лепестец
без лепестков Цветония.

Ты помнишь, у Светония
булгаковский прием?
Плыл огненной бегонией
в плаще центурион.

И, пронизав пунктиром
языческий туман,
нам сердце цветонировал
свет первых христиан.

Так вне цивилизаций
Светоний Гай Транквила
времен транквилизатор,
сам не поняв, открыл.

Духовный витамин
не знают фармацевты,
но мы с тобой сторим
без этого рецепта.

Нас не спасет побег
от бомбы мегатонной.
Настанет человек
по имени Цветоний.

2003

МОРЕ ЭТИМ ЛЕТОМ

Топлес песчаный жарок.
всюду царит немое,
теплое, как моча русалок,
неутоленное море.

Спускается Бог в долины.
Демон устало мстит.
Но море неутолимо.
Хотя оно трансвестит.

2003

Публикуется впервые.
Специально для «Новой газеты»